
П. Е. ТЕРЛЕЦКИЙ

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЯКУТСКОЙ АССР

В советской статистической практике единственным универсальным и в полной мере удовлетворяющим всевозможные практические потребности критерием определения этнического состава населения являются субъективные показания самого населения — каждого из отдельных его членов — о своем национальном состоянии как выражении своего национального самосознания. В суммированном виде эти показания отражают собой объективную, действительную, реально существующую картину этнического состава. Получение показаний самого населения может быть осуществлено методом переписи или специального сплошного опроса населения.

Этнографический метод исследования, если он не сопряжен со статистическим сплошным опросом населения, дает, как правило, лишь приближенное, общее представление об этническом составе. Назначение этнографического исследования — дать по возможности наиболее полную характеристику самих этнических групп в отношении особенностей языка (диалекта, говора), наиболее употребительных орудий труда и средств транспорта, способов их изготовления, способов ведения хозяйства, внутрисемейных и внутрисемейных отношений, особенностей пищи, одежды, жилища, а также обрядов, искусств и других элементов материальной и духовной культуры, причем этнографическое исследование не нуждается в сплошном обследовании объектов наблюдения. Несмотря на это, этнографическое исследование позволяет, однако, обнаруживать встречающиеся в статистической практике ошибки — неправильное отнесение той или иной группы населения к той или иной национальности.

Так, в итогах переписи 1897 г. значительная группа (около 500 чел.) есейских якутов числилась тунгусами. На это обстоятельство в свое время было обращено внимание многих этнографов, и в составленной КИПС'ом Академии Наук «Этнографической карте Сибири» эта ошибка переписи была выправлена. В итогах переписи 1926 г. значительная часть эвенов (ламатов) восточной части Сибири зарегистрирована была эвенками (тунгусами). Допущены были ошибки в отношении южной группы расселения селькупов, зарегистрированных хантами (остяками) и т. п. Эти ошибки, несомненно, извратившие представление об этническом составе некоторых районов, обнаружены были ленинградскими этнографами и лингвистами и отмечены в печати.

Подобного рода ошибки переписей, вскрываемые при этнографических исследованиях, должны привлекать соответствующее внимание.

С этой точки зрения представляют интерес появившиеся в этнографической литературе заметки и статьи И. С. Гурвича, затрагивающие вопросы этнического состава северо-западной части Якутской АССР и

дающие критическую оценку данным переписи 1926 года по этой территории¹.

В этнических процессах на Крайнем Севере, помимо условий советского строя, находят еще свое отражение и бывшие, ныне исчезнувшие, условия эксплуатации и национального угнетения северных народностей при царизме. В прошлом эти условия сказались на утрате некоторыми из них своего родного языка, восприятию другого языка, нового быта, новых отраслей хозяйственной деятельности и т. п., а в некоторых случаях и на полной ассимиляции их с другими народами. Исследование подобных процессов на основании данных переписей дает возможность сделать некоторые выводы, заключающиеся в следующем.

а) Народности или отдельные их части, утратившие свой родной язык и воспринявшие быт, направление хозяйственной деятельности, материальную и отчасти духовную культуру ассимилирующей их народности и утеравшие представление о своем этническом происхождении, т. е. подвергшиеся в полной мере процессу ассимиляции, окончательно ассимилировавшиеся, — такие народности или их отдельные части в советское время стали причислять себя в национальном отношении к ассимилирующей их народности.

Несмотря на то, что в дореволюционное время в силу сословных перегородок такое население, как «иностранцы» — вне зависимости от своего национального самосознания — относилось к тем или другим народностям по их историческому происхождению, в советское время, как только рушились сословные перегородки, это население в подавляющей массе показало себя (по данным переписей) представителями другой, в прошлом ассимилировавшей их народности и выявило, таким образом, свое новое национальное положение. Конкретно этот процесс проявился в значительной «убыли» численности ассимилировавшейся народности, т. е. в легализации имевшегося уже ранее процесса, и в соответствующем «увеличении» численности ассимилировавшей (в прошлом) народности.

К таким народностям или отдельным их частям относятся ивдельские, таборинские и тавдинские манси, селькупы Чаинского и Кривошеинского районов, эвенки Читинской области и Бурят-Монгольской АССР и значительная часть камчадалов (ительменов) Камчатского полуострова. Все они в подавляющей массе не только утратили свой родной язык, но и перешли на оседлость, освоили сельское хозяйство и ведут соответствующий образ жизни. В советское время национальное самосознание представителей этих групп отразилось (по данным переписей) в показаниях их себя русскими (манси, селькупы, камчадалы и эвенки) или бурятами (эвенки).

б) Народности или отдельные их части, в значительной мере утеравшие свой родной язык, но сохранившие свой быт, направление своей хозяйственной деятельности, свою материальную и духовную культуру и даже передавшие некоторые свои особенности ассимилирующей народности, — такие народности, как отмечают переписи, не утратили представления о своем этническом происхождении. Их национальное самосознание сразу же обнаружилось, как только установилась советская власть, как только идеи ленинско-сталинской национальной политики, ее основные положения стали понятными этим народностям. Конкретно оно проявилось в численности населения, намного превышавшей возможную их численность с учетом нормального естественного прироста. Здесь в результате развития национального самосознания обнаруживается процесс восстановления (своеобразной консолидации) своей народности.

К таким народностям или к отдельным их частям относятся ненцы

¹ И. С. Гурвич, Пять лет этнографической работы в Оленекском районе Якутской АССР, «Советская этнография», 1947, № 1; его же, Оленекские и анабарские якуты, автореферат диссертации. М., 1949; его же, К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР, «Советская этнография», 1950, № 4.

Большеземельской тундры, отчасти долганы, а также почти все эвенки северных районов Якутской АССР. Ненцы Большеземельской тундры в значительной своей части утеряли свой родной язык и восприняли язык коми, но сохранили свои остальные этнические признаки: быт, направление хозяйственной деятельности и свою материальную и духовную культуру. Несмотря на то, что многие из них в дореволюционное время числились коми-ижемцами, они при переписи 1926 г. показали себя ненцами. Национальное самосознание долган, несмотря на то, что все они считают своим родным языком якутский, сохранилось и даже, более того, долганы, ранее считавшиеся (по языку) якутами, при переписи 1926 г. показали себя долганами. Их быт, занятия и материальная и духовная культура — своеобразная и отличающая их от якутов — укрепили у них этническую общность, выразившуюся в их национальном самосознании. Аналогичный процесс имел место и в северных районах Якутской АССР и, в частности, в северо-западной ее части.

Рост численности большеземельских ненцев, долган Таймырского национального округа и эвенков северных районов Якутии в советское время оказался исключительно высоким, превышавшим их возможный естественный прирост.

Национальное самосознание и той и другой категории народностей ярко обнаружилось: в первой — в форме легализации завершившегося процесса ассимиляции и осознания своего нового национального состояния и во второй — в форме подтверждения и восстановления своей национальности.

* * *

В связи с изложенными соображениями разрешение вопроса об этническом составе населения бассейнов рек Анабары и Оленека нам представляется в совершенно ином плане, чем это сделано И. С. Гурвичем в его работе.

Основное положение автора сформулировано им в следующих словах: «Изучение истории, хозяйства, материальной и духовной культуры оленекских и анабарских якутов убеждает в том, что эта группа якутов-оленеководов сложилась в результате длительного культурного взаимодействия и слияния эвенков-аборигенов с якутами-переселенцами из центральных якутских волостей и русскими оседлыми промышленниками»², причем этот процесс, по его словам, начал слагаться в первой половине XVIII и закончился в середине XIX в. Таким образом, к этому моменту здесь как будто бы имелась одна однородная группа якутов-оленеководов.

Это положение находится в явном противоречии с показателями этнического состава населения Анабарского и Оленекского административных районов, представляющих собой территорию, почти совпадающую с географической территорией бассейнов указанных двух рек. Данные переписи 1897 г. говорят, что на этой территории проживало якутов лишь 14,1%, основная масса населения были эвенки (81,4), долган было 2,4% и русских — 2,1%. В дальнейшем этнический состав этих районов, в сопоставлении с 1897 г., характеризуется следующими соотношениями народностей (в процентах к общему количеству населения каждого года):

Годы	Эвенки	Якуты	Долганы	Русские
1897	81,4	14,1	2,4	2,1
1926	53,2	33,3	5,5	8,0

² См. И. С. Гурвич, Оленекские и анабарские якуты. (Историко-этнографический очерк). Диссертация. Рукопись. Архив Института этнографии. (Разрядка мая.— П. Т.)

Здесь виден ярко выраженный процесс снижения удельного веса эвенков за счет якутского, русского и отчасти долганского населения. Чтобы представление об этом процессе было более четким, необходимо отметить, что численность эвенкийского населения этой территории за рассматриваемый период по существу оставалась стабильной; что же касается якутского населения, то оно в силу притока извне возросло и, в особенности, возросло русское население. Самый процесс движения эвенкийского населения Оленекского района (в Анабарском районе эвенков не было ни в 1897, ни в 1926 г.) нельзя рассматривать изолированно от двух смежных районов — Булунского и Жиганского, тесно связанных с ним в экономическом и этническом отношении: многие из групп оленекских эвенков охотников-оленеводов являлись представителями своих жиганских и булуных соплеменников, имели пастбищные и охотничьи угодья в пределах Оленекского района, да и в составе самих так называемых «анабарских и оленекских якутов-оленеводов» имелись группы эвенков и отчасти якутов, административно входившие в состав Булунского и Жиганского районов. Кроме того, необходимо отметить, что в процессе образования населения Оленекского района имели существенное значение эвенки б. Вилюйского округа (южной части района-Шологонский и отчасти Кирбеевский наслеги). В пределах указанных районов, являющихся замкнутой и компактной (относительно, понятно) территорией расселения эвенков, именно и происходили, как увидим ниже, интересующие нас изменения в составе населения.

Рассмотрение данных движения эвенкийского населения всей этой территории приводит к выводу о наличии исключительно большого прироста, значительно превышающего, как мы уже отмечаем, возможный нормальный естественный прирост,— население значительно увеличилось. Далее, если в 1897 г. подавляющая масса эвенкийского населения вела кочевой образ жизни охотников-оленеводов, то в 1926 г. значительная часть (около половины) стала оседлым населением, и в настоящее время переходит к рыболовству и охотничьему промыслу оседлого характера. В целом же за рассматриваемый период имели место падение численности кочевого эвенкийского населения (в связи с оседанием) и весьма значительный рост оседлого населения. Именно на этой территории в прошлом происходили передвижения эвенкийских родов под напором расселявшегося якутского населения, а также этнические процессы — брачные отношения между эвенками и якутами, вхождение якутов в эвенкийские роды или эвенков в якутские наслеги и т. п.

Еще более интенсивный рост наблюдается и в среде якутского населения на указанной территории (включая и Анабарский район). Так, в последнем районе численность якутов увеличилась в пять раз (понятно, за счет притока извне), а в Оленекском — в восемь раз.

Без рассмотрения всего комплекса вопросов образования этнического массива на этой территории трудно или почти невозможно составить себе представление о характере процессов в населении бассейна рек Анабары и Оленека, как органически связанном с ней.

* * *

Что же представляют собой так называемые анабарские и оленекские якуты-оленеводы? По данным И. С. Гурвича, их всего 259 хозяйств с общим числом населения 1568 чел. В 1926 г. они распределялись на следующие группы (территориальные и родовые)³: затундренские якуты — 58 хозяйств, Осогостохский род — 56, Хатыгинский род — 17, Чордун-

³ Для распределения хозяйств на группы мы воспользовались похозяйственными данными (151 карточка) и списками (шологонских тунгусов и затундренных якутов), выкопированными из данных похозяйственной переписи Приполярного Севера, любезно предоставленными Б. О. Долгих в наше распоряжение.

ский — 35, Бетинский — 21, 2-й Угулятский — 20, Шологонский — 50 и прочие — 2 хозяйства.

В отношении населения первых трех групп (затундренских якутов, осогостохских и хатыгинских хозяйств) нет сомнения в их якутском происхождении и национальности. Об этом говорят данные переписи 1926 г. и картографические материалы («Этнографическая карта Сибири», изданная Академией Наук и «Карта расселения народностей Крайнего Севера», изданная Комитетом Севера). В литературе также нет указаний на принадлежность их к эвенкам. Расселение в низовьях рек Анабары и Оленека и хозяйственная характеристика их как оленеводов тундры не вызывают сомнения в их якутской национальности.

В отношении Бетинского, Угулятского и Шологонского родов нет сомнения в их тунгусском происхождении (или во всяком случае, нет уверенности и у И. С. Гурвича в их якутском происхождении). Их расселение в таежной и лесотундровой зоне и охотничий тип хозяйства подчеркивают их эвенкийскую национальность. Группа Чордунского рода по данным переписей 1897 и 1926 гг. является эвенками.

В опубликованной статье И. С. Гурвич указывает еще на одну группу якутов-олeneводоv «кангаласов и хатыганов 3-го Хатыгинского наслега» общей численностью в 359 чел. Но и эта группа, как и первые три, отмеченные выше, бесспорно (и в историческом прошлом) якутов в разрешении поднятого вопроса также не может быть полезной. Включение этой группы якутов в общую группу так называемых «анабарских и оленекских якутов оленеводов» еще более затуманивает и без того сложный вопрос образования «новой» этнической группы.

Ограничивая себя указанными пределами, И. С. Гурвич ничего не говорит об остальном, не затронутом им населении тех же взятых им родов. Так, в пределах бывшего Вилюйского округа, куда входили и территории современных Анабарского и Оленекского районов, в составе Бетинского и Чордунского родов в 1897 г. имелось 822 тунгуса, а по данным И. С. Гурвича, их в 1926 г. было 326, по Шологонскому роду — 270 против 445 и по Угулятскому — 138 против 534 тунгусов в 1897; т. е. в указанных четырех родах, вместо 1801⁴ тунгусов принято во внимание лишь 734 чел. Какова судьба остальных 1067 тунгусов, остается неизвестным. Далее И. С. Гурвич совершенно не интересуется, что произошло с группами тунгусов Тогуйского, Жохутского и Кельятского родов, расселенных в пределах верховьев Вилюя и его левых притоков и ныне вошедших в состав Оленекского и отчасти Жиганского районов (по переписи 1897 г. в них было 919 чел.). Какова судьба Кюпского и Эжанского родов жиганских тунгусов, кочевавших в пределах бассейна реки Оленек (по переписи 1897 г. — 210 чел.)? Мы уже не говорим о группах эвенков Илимпейского, Чапогирского, 2-го Летнего и Усть-Турьжского родов Эвенкийского округа, также кочевавших в пределах верховьев Анабары и Оленека.

Таким образом, по данным 1897 г., имелась довольно большая группа (в 3023 чел.), составлявшая эвенкийское население Оленекского и двух смежных с ним Булунского и Жиганского районов. Примерно половина этого населения в 1897 г. кочевала в пределах современной территории Оленекского района. Данные же, приводимые И. С. Гурвичем, касаются лишь 734 (Бети — 98, Чорду — 228, Шологон — 270 и Угулят — 138) эвенков.

Между тем, не только все эвенки указанных районов, но и эвенки остальных северных районов Якутии, по мнению И. С. Гурвича, должны по национальности считаться якутами.

⁴ Не считая 110 тунгусов этих же родов Жиганского улуса, которые также имели отношение к оленекским тунгусам.

* * *

Но возвратимся к группе так называемых «анабарских и оленекских якутов-оленевопроводов». Действительно ли она является однородной «самобытной, обособленной культурной группой», представляющей «органическое единство материальной культуры» и т. п.? Действительно ли она может быть названа «якутами-оленеводами»?

О присутствии в этой группе русских у Гурвича нет никаких намеков. Очевидно, по его мнению, группа русских так «слилась», растворилась в якутском населении, что от нее не осталось никаких следов. А между тем после «слияния» еще в 1897 г. русские были расселены не только в районах низовьев рек Анабары и Оленека, но и в соседних с ними районах — по правому берегу Хатанги, в низовьях Лены (Булуң, Жиганск) и в других смежных районах. Считать, что все эти русские — вновь появившийся элемент, нет оснований. Значительная часть их, как и в других северных пунктах Якутии (Казачье, Нижнеколымск, Походск и др.), находившихся в аналогичных условиях окружения коренным населением, несомненно является потомками бывших русских поселенцев XVII, XVIII и XIX вв. Во всяком случае, иное утверждение должно быть доказано в результате специального исследования, хотя бы путем опроса современных русских жителей об их историческом прошлом, или опроса «слившихся» русских — ныне «якутов-оленевопроводов» о том, как они превратились в якутов. В 1926 г. русские низовьев Оленека и Анабары — 11 семейств (в среднем по 7 чел.) являлись полусоседлыми охотниками на песца, имели по 75—90 пастей и по 50 оленей в среднем на хозяйство, а остальные русские — оседлые, также охотники на песца, имели в среднем такое же число пастей, но вместо оленей у них было по одной собаке упряжке, все они занимались рыболовством, а некоторые из них имели коров и лошадей. Совершенно несомненно, что это не те работники, «прибывшие для проведения различных мероприятий», о которых говорит И. С. Гурвич, а именно — потомки бывших русских. То, что они имеют крупные семьи, указывает также на их более древнее происхождение. Таким образом, одно звено в концепции И. С. Гурвича об образовании единой однородной группы «якутов-оленевопроводов» выпало.

Мы уже видели, что часть населения — затундренские якуты, Осого-тохский и Хатыгинский роды — по своему происхождению являются чистыми якутами (по переписи 1926 г. они отнесены к якутам), а остальные — бетинцы, угулятцы и шологонцы (а также и чордунцы) — так называемые объякученные тунгусы, по своему тунгусскому происхождению являющиеся несомненно и той группой, показали себя и в 1897 и 1926 гг. эвенками (тунгусами). Несмотря на единство языка⁵, по своему быту (кочевой быт каждой из этих групп различен) и направлению хозяйственной деятельности, а также материальной и духовной культуре они представляют собой две этнические группы. Постараемся доказать это на ряде примеров.

Обработанные данные карточек и списков упоминаемых выше 259 хозяйств, распределенных на две основные указанные выше группы — яку-

⁵ Нам представляется, что обе группы населения имеют и два различных диалекта. Условия образования и развития диалекта якутской группы, как переселенцев из центральных районов, совершенно иные, чем условия образования языка — диалекта эвенкийской группы — в результате длительного процесса потери своего языка и смешения с якутским. Необходимо отметить, что еще сравнительно недавно, по сообщению Патканова, «небольшая часть тунгусов, живших в верховьях левых притоков Вилюя и отчасти Оленека, повидимому, еще пользовалась родною речью» (см. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири, ч. II, в. 2, СПб., 1914, стр. 177). Перепись 1926 г. отмечает также наличие эвенков со своим родным эвенкийским языком: в б. Вилюйском округе — небольшое, 2,4%, а в Булуңском — 22,1%, в Верхоянском — 98,5%.

тов и эвенков (тунгусов) и в каждой из них по размерам оленнего поголовья, дают следующую их характеристику:

Группы по оленьему поголовью	Якуты			Эвенки		
	хозяйств	в них оленей	в %	хозяйств	в них оленей	в %
до 50 оленей	86	1 843	15	114	1 716	51
51—250 „	31	4 003	33	15	1 339	40
251 и более	12	6 324	52	1	320	9
Всего	129	12 170	100	130	3 375	100
В среднем на хозяйство		95	—	—	26	—

Здесь мы имеем две совершенно различные группы: одну — оленеводов, имеющих в своем распоряжении около 80% всего поголовья, и другую — охотников, у которых олени играют подсобную, главным образом транспортную роль. Крупные оленные стада (12 стад) находятся в руках якутских хозяйств, самое крупное, в 2300 оленей — якутское стадо, и лишь одно хозяйство эвенков, с некоторой натяжкой, может быть отнесено к крупным. Даже мелкие якутские хозяйства оказываются значительно крупнее мелких эвенкийских. Несомненно, что и пути кочевания этих групп (а с ними связан и быт кочевников) совершенно иные: они различаются и по своей длине и по постоянству маршрутов. Сама территория их кочевания различна: у якутов-оленеводов — низовья рек Анабары и Оленека — тундра и лесотундра, у эвенков-охотников — среднее и верхнее течение реки Оленека и верховья рек Анабары, Вилюя, Мархи, Маркоки, Курун-Юрях, Тюнена и Тюнга, а также Муны, притока Лены — тайга и лесотундра. Отдельные хозяйства обеих групп, понятно, заходят и на смежные территории, но основное расположение путей кочевания обеих групп четко отграничено и соответствует направлению их хозяйственной деятельности.

К сожалению, дальнейшая непосредственная характеристика этих двух групп не может быть освещена: на карточках и в списках, кроме данных о числе оленей и количестве членов семьи, нет никаких других сведений. Между тем отмеченная выше характеристика распределения оленнего поголовья по группам хозяйств является вполне идентичной с распределением оленнего поголовья кочевых хозяйств якутов и эвенков Булунского округа, как об этом говорят материалы переписи 1926—1927 гг.⁶ Эта идентичность позволяет нам отметить еще одно весьма важное обстоятельство, указывающее на существующую экономическую зависимость эвенкийского хозяйства от якутского. Эвенкийское оленеводство по своему составу — транспортное (75,5% стада — транспортные олени, причем все важеньки используются в транспорте, и остальная часть — молодняк); оно не дает возможности воспроизводства стада, и тунгусы вынуждены постоянно обращаться за пополнением своего транспортного поголовья к якутам-оленеводам, располагающим большими возможностями (запасом «гулевых», не используемых в транспорте оленей).

Кроме того, материалы похозяйственной переписи дают возможность расширить характеристику самих якутских и эвенкийских хозяйств. По данным переписи, якуты являются охотниками на песца — у них около 60 тысяч пастей, в среднем 60—70 пастей на хозяйство, и они добывают в год в среднем по 9 песцов; охотой на белку они не занимаются. На-

⁶ См. «Похозяйственная перепись Приполярного Севера 1926—1927», Изд. ЦСУ СССР, 1929, стр. 65.

оборот, эвенки (тунгусы) — охотники на белку в среднем добывают по 30 белок на хозяйство; у них преобладают всевозможные ловушки на менее ценных пушных зверей, а песцовый промысел для них является второстепенной отраслью охоты, число песцовых пастей лишь несколько превышает восемь тысяч. Все это указывает на то, что в обеих группах хозяйств больше различий, чем сходства. Отсюда и различия в быте и в материальной культуре и этнические различия вообще.

* * *

Некоторые исследователи (Б. О. Долгих, И. М. Суслов), а за ними и И. С. Гурвич утверждают, что в бышем Вилюйском округе слово «тунгус», как в дореволюционное, так и в советское время понималось и применялось не как название эвенкийской национальности, а как «собираемый термин» для обозначения кочевого населения вне зависимости от его национальности. Это отождествление понимания национальности состояния и производственно-бытового положения, по их мнению, настолько привилось, настолько стало распространенным, что на вопрос о национальности каждый кочевник-оленевода этой территории, вне зависимости от того, эвенк он или якут, отвечал «тунгус». Установившееся, таким образом, «традиционное» представление о кочевнике-оленеводе как о «тунгусе» отразилось как будто бы и на национальном составе населения этой территории: основная масса якутов-оленеводов, по данным переписей населения, как будто бы показывала себя «тунгусами» и причислялась к эвенкам.

Напомним, что не все исследователи или лица, так или иначе соприкасавшиеся с этим вопросом, разделяли подобную точку зрения. Большинство из них подчеркивало тунгусское происхождение населения верховьев рек Анабары, Оленека, Вилюя и его притоков, называя их тунгусами, утерявшими свой родной язык и говорящими на якутском языке. К таким исследователям в прошлом относятся Кларк, Маак и в особенности Патканов. Причем все они, как и Чекановский и другие, подчеркивая тунгусское происхождение этого населения и указывая на их якутский язык и на некоторое сходство с якутами, не называют их просто якутами. По личному сообщению Г. М. Василевич, в Якутске якуты считают «тунгусов» «не настоящими», а некоторые вообще не считают их якутами и выделяют в особую группу якутоязычного населения. К этой группе в Якутске относят и тунгусов Амги. Это сообщение Г. М. Василевич вполне совпадает со всей практикой проведения национальной политики правительством Якутской республики в отношении так называемых малых народностей севера. Правительство считалось с наличием эвенков и не пыталось, путем зачисления в состав якутской национальности, обезличить их только на основании их якутского языка. Примеры переписи 1926 г., проводившейся якутскими статистиками, показывают, что, по данным итогов этой переписи, эвенкийская народность не только сохранилась, но и была восстановлена в своей действительной численности.

В этом отношении характерно и сообщение А. А. Попова: «Слово тунгус, — говорит он, — часто употребляется не как название народности, но как название оленного вообще. По этой причине вилюйские якуты, имеющие коров и лошадей, затундренских оленных якутов называют тунгусами, хотя эти последние, сталкиваясь с долганами, называют себя только якутами»⁷. Оказывается, что сами затундренские якуты-оленеводы, да и не только они, но и якуты-оленеводы других наслегов, не считают себя «тунгусами», а якутами; исключительно

⁷ А. А. Попов, Материалы по родному языку долган, «Советская этнография», 1934, № 6, стр. 33. (Разрядка моя. — П. Т.)

поэтому в данных переписей и дореволюционного и советского времени, наряду с кочевым эвенкийским населением, довольно солидно представлены и якуты-оленоводы, характеристику которых мы привели выше. Необходимо отметить, что по переписи 1926 г. эвенками (тунгусами) и якутами считаются не только кочевники, но и оседлое эвенкийское и якутское население. На территории Оленекского и Анабарского районов имеются не только кочевые и оседлые якуты, но и кочевые и оседлые эвенки.

* * *

Мало того, в отдельных населенных пунктах как в 1897 г., так и в 1926 г. переписью были обнаружены совместно проживавшие якуты и эвенки. Аналогичное положение имеем и в среде кочевого населения. В одних и тех же урочищах — пунктах (стойбищах) летнего или зимнего пребывания кочевников были зарегистрированы совместно кочевывшие эвенки и якуты, а также долганы и якуты. Так, по данным списков населенных мест и мест расположения кочевых стойбищ — урочищ в 1926 г., из общего количества 106 оседлых и кочевых мест Булунского улуса в 25 пунктах находились совместно проживавшие и совместно кочевывшие эвенки (93 хозяйства) и якуты (199 хозяйств); по Устьянскому улусу из 121 пункта в 23—41 хозяйство эвенков и 84 хозяйства якутов. Аналогичное явление наблюдалось и в Жиганском улусе. Таким образом, только в названных улусах имелось примерно около 900 эвенков и свыше 1500 якутов, совместно проживавших в отдельных населенных пунктах, причем из них совместно кочевывших было около 350 эвенков и свыше 650 якутов.

В Анабарском улусе, как известно, эвенков нет, но там имеются, кроме якутов, долганы. Оказывается, что из 31 зарегистрированного урочища имелось 6 урочищ с долганами (42 хозяйства, 264 человека), кочующими совместно с якутами (33 хозяйства, 201 чел.).

Следуя распространенному мнению, что регистраторы переписи как будто бы отождествляли понятие кочевого быта со словом «тунгус», и кочевых якутов при переписи регистрировали тунгусами, надо было бы ожидать отсутствия в итогах переписи по этим районам каких-либо данных о якутском кочевом населении. Практика переписей показывает, как мы видели, совершенно другое. Очевидно, регистраторы переписи в определении национальности руководствовались не установившейся «традицией» вилюйских администраторов, а исключительно национальным самосознанием самого населения, особенно определившимся в советское время. Ответы якутов и тунгусов о своей народности при переписи явились подлинным выражением их национального самосознания. Нам представляется, что названием «тунгусы» своих сородичей кочевников вилюйские якуты (не администраторы, понятно) отнюдь не имели в виду причисления их к другой национальности, а характеризовали их новый быт, — «живут, как тунгусы» — и только.

* * *

Необходимо напомнить, что в среде эвенкийского населения, несомненно, происходил процесс ассимиляции их с якутами (брачные отношения, вхождение якутов в тунгусские роды, а тунгусов в якутские наслеги, названия тунгусских родов якутскими именами, восприятие якутского языка и т. п.), и то, что представители одного и того же рода на Есее показывали себя якутами, а на Оленеке — тунгусами, не должно интерпретироваться как результат сложившейся местной традиции. Нам представляются вполне вероятными случаи (в процессе ассимиляции), когда член якутской семьи — якут с оз. Есея или низовьев Анабары или просто переселенец из центральных якутских районов, женившийся на тунгуске, вошел в тунгуский род или приписался к нему, стал считать себя тунгу-

сом, или тунгус, женившийся на якутке, причисленный к якутскому наслегу, мог показать себя якутом. Образование национальности, развитие национального самосознания гораздо сложнее, чем полагает И. С. Гурвич и, во всяком случае, в особенности в советских условиях, не подчиняется влиянию всевозможных установившихся традиций местных администраторов.

* * *

Необходимо отметить еще одно весьма важное обстоятельство, проливающее свет на некоторую устойчивость отмеченных двух национальных групп. Патканов, на основании первичных материалов переписи — записей о происхождении (местонахождении, роде, принадлежности к родовой управе и т. п.), констатирует, что коренные жители северных районов Якутии — тунгусы, ламуты, юкагиры и долганы имеют родовое деление. Все опрошенные в 1897 г. показали свою принадлежность к тому или иному роду. По данным переписи, встречаются лишь единичные хозяйства, не показавшие свою принадлежность к роду. И, наоборот, в отношении якутского населения, как правило, отмечалось отсутствие показаний родовой принадлежности: — «роды не показаны» или «родовое деление утрачено»⁸. Это обстоятельство Патканов совершенно правильно объясняет характером образования якутского населения северных районов. Якуты, по его словам, выходцы из центральных районов Якутии, переселялись, как правило, отдельными семьями, а не родами и уже на месте нового поселения объединялись в наслеги. Исключение из этого общего правила составляют есейские якуты (у Патканова обозначенные тунгусами), у которых сохранилось родовое деление. Нам представляется, что именно это обстоятельство — наличие деления на роды и соответствующие показания есейских жителей о принадлежности их к тем или иным родам, позволило Патканову отнести есейских якутов к тунгусам. Как мы знаем, эта «ошибка» Патканова была исправлена этнографами КИПСа Академии Наук, и на «Этнографической карте Сибири», составленной ими на основе материалов переписи 1897 г., район севернее оз. Есея окрашен якутским цветом. Перепись 1926 г. отметила в этом районе 483 якута. Что касается якутов так называемого Затундренского якутского рода (828 чел. по переписи 1897 г.), расселенных в пределах низовьев Хатанги (и ее левых и правых притоков) и Анабары, то само объединение их представляется нам объединением более административно-территориального характера, чем объединением большого рода.

Таким образом, и в общественном отношении обе группы — тунгусы с родовым строем и якуты, представляющие собой объединенные в наслеги отдельные семьи, утерявшие связь со своим родом, — представляются совершенно различными, нашедшими свое оформление в разделении по национальному признаку.

Характерно и еще одно обстоятельство. В приводимых И. С. Гурвичем примерах генеалогий дело с происхождением отдельных якутских родов обстоит как будто бы благополучно (Кангласский, Осогостохский, Эспекский роды) — все они действительно якуты; что же касается генеалогий тунгусских родов, которые (генеалогии), по И. С. Гурвичу, доказывают якутское происхождение, то родоначальники этих родов, по преданиям, оказываются то ли якутами, то ли тунгусами (например, род Беги — основатель Мыкая одними считается якутом, другими — чапогирцем, тунгусом). И. С. Гурвич и сам признает, что достоверность приведенных им преданий о происхождении родов сомнительна. Причем происхождение (по данным генеалогий) перечисленных родов относится

⁸ Наоборот, якуты центральных районов по переписи 1897 г. почти поголовно показали свою принадлежность к тому или иному роду.

к началу XIX в. (видимо, воспоминания о роде, при отсутствии письменных памятников, теряются в четвертом — пятом поколении) и численность членов таких родов в лучшем случае могла составить 50—70 человек, тогда как род Осогостох имеет минимум на Есее — 160 и в низовьях Оленека до 300 человек, род Эспек — 170—180 чел., род Чорду на Есее — около 260 и в низовьях Оленека — около 230 чел. и т. д.

Таким образом, эти «сомнительные» предания в лучшем случае дают представление о более позднем происхождении, и то лишь небольшой родственной группы, или о зародыше нового рода, но не о происхождении перечисленных старых родов.

* * *

В то же время исторические документы дают довольно четкую характеристику происхождения обеих групп. Одна из них, якуты — пришлый, а другая, эвенки, аборигенный элемент. Более внимательное рассмотрение побудительных причин появления в северных районах якутов выходцев якутского народа показывает, что, помимо особых социальных условий, сложившихся в старых центральных якутских районах в XVII, XVIII и XIX вв., естественному процессу расселения способствовало также исключительное богатство отдаленных районов Якутии. Вне зависимости от тяжелых климатических и других природных условий, не считаясь с невозможностью заниматься привычным делом разведения лошадей и крупного рогатого скота, якутские выходцы из центральных районов заселяли эти отдаленные территории. Пушнина — особенно доходный соболиный, а также песцовый промысел, мамонтовая кость, относительно легкая возможность обогащения путем торговли с коренным населением, извозный промысел — были заманчивыми, сулившими предприимчивым якутам более значительные доходы по сравнению с примитивным скотоводческим хозяйством своих центральных районов. Экономические интересы, и только они главным образом являлись побудительными причинами движения якутов на север и вообще в периферийные районы Якутии. Этим объясняется появление якутов на побережье арктических морей, а затем и на островах, появление почти повсюду торговых элементов, организация перевозок военных и других грузов из Якутска к пунктам Охотского побережья, появление их в районе золотых приисков, в низовьях Амура и на Сахалине. Этими же экономическими интересами объясняется и появление их на Оленеке, Анабаре, Хатанге и освоение ими в начале соболиного, а затем песцового промысла, кочевого быта и оленеводства. Как более предприимчивые, более культурные представители своего народа, северные якуты быстро освоились с новой, непривычной для них обстановкой и подчинили своему влиянию почти все коренное население.

Коренные же обитатели северных районов Якутии — охотничье-олениводческие племена эвенков, эвенов, юкагиров, теснимые в прошлом продвижением более мощного якутского народа, постепенно отходили в глубь бесконечных таежных и тундровых пространств и все более и более подпадали под экономическое влияние якутов. Связанный с этим процесс восприятия коренным населением якутского языка не мог все же значительно изменить (отчасти в силу природных условий) остальные этнические черты — быт, направление хозяйства и материальную культуру. Эти последние, наоборот, были отчасти восприняты якутским пришлым населением.

* * *

Мы не имеем возможности в настоящей статье остановиться на более подробном изложении развития материальной и духовной культуры обеих групп. Отметим только, что элементы эвенкийской культуры, отражающие собой и направление хозяйственной деятельности и характер кочевого быта, не могут не быть отличными от элементов якутской куль-

туры. Исследование И. С. Гурвичем группы так называемых «анабарских оленекских якутов» показало довольно заметное преобладание в ней элементов эвенкийской культуры. Это обстоятельство говорит о живучести эвенкийской культуры, и только обезличенное в «якутской культуре» представление о ней (а не расчлененная характеристика культуры двух этнических групп) создает кажущееся впечатление единства.

* * *

И. С. Гурвич в своей работе довольно часто ссылается на выявление им при исследовании группы «анабарских и оленекских якутов» якутского самосознания населения. Так, он говорит, что «в отношении хатыгинских, шологонских, угулятских, чордунских и других тунгусов удалось (?!) выяснить, что члены всех упомянутых выше наслегов считают себя настоящими якутами, потомками якутов, выходцами из южных районов Якутии». Или, в другом месте «тунгусское население, принадлежащее к коренным якутским родам, считает (?!) себя якутами». В то же время он нигде не указывает метода, с помощью которого им выявлено национальное самосознание той или иной группы населения. Поэтому все его показания существования «анабарских и оленекских якутов» как однородной в этническом отношении группы оказываются также несовершенными и мало убедительными.

Между тем, как мы уже указывали, единственным, универсальным и в полной мере удовлетворяющим всевозможные практические потребности критерием определения этнической принадлежности той или иной группы населения или этнического состава той или иной территории, района и т. п. являются субъективные (самостоятельные, личные) показания самого населения (каждого из отдельных его членов) о своем национальном состоянии как выражении своего национального самосознания. Только такие показания, статистически суммированные, отражают действительную, реально существующую картину национального состава населения. Получение показаний самого населения может быть осуществлено лишь методом переписи или специального сплошного опроса. Такова, между прочим, и практика советских переписей, основной задачей которых являлось выявление национального состава населения нашей многонациональной страны.

Мы считаем методологически неправильным примененный И. С. Гурвичем прием исследования, заключающийся в полном игнорировании изучения процесса образования каждой этнической группы якутов и эвенков в отдельности. Смешав обе группы в «единую», «органически целостную» группу и назвав их одним именем «якутских оленеводов», И. С. Гурвич тем самым отрезал себе все пути к действительному выяснению как самого этнического состава населения, так и характеристики каждой из существующих (и поныне) национальностей — эвенков, долган, якутов в районе бассейнов рек Анабары и Оленека.

* * *

В советское время, в связи с ленинско-сталинской национальной политикой, получило особое развитие чувство национального самосознания у всех народов нашей страны, в особенности у угнетавшихся в прошлом народностей Крайнего Севера. Эвенки, долганы, якуты и другие северные народности впервые за многовековую историю своего существования получили возможность вывить свое национальное состояние. Последнее нашло свое отражение в данных советских переписей, в которых национальный состав населения северо-западной части Якутской АССР и, в частности, состав Анабарского и Оленекского районов представлен совершенно иным — более многообразным и, во всяком случае, не «однородным», не «единым целым» в этническом отношении.